

тайная тетрадь

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Письма и стихи

Николай Гумилев

Серебряный век. Письма и стихи

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

Гумилев Н. С.

Серебряный век. Письма и стихи / Н. С. Гумилев —
«Издательство АСТ», 2019

Серебряный век – удивительный период на рубеже XIX-го и XX-го столетия, по значимости для нашей культуры сравнимый с итальянским Ренессансом. Особенного расцвета достигла в то время русская поэзия. Неслучайно именно с поэтами Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым, Валерием Брюсовым, Александром Блоком и Осипом Мандельштамом ассоциируется эта эпоха. Их связывали любовные и дружеские отношения, семейные узы, совместное издание журналов, творчество и... оживленная переписка. В письмах поэты признавались в любви, пересылали друг другу написанные стихотворения, спорили о творческих методах, обсуждали быт и делились впечатлениями от путешествий. В этой книге собрана переписка самых талантливых поэтов эпохи, открывающая их внутренний мир и погружающая читателя в прекрасную, драматическую и полную тайн атмосферу Серебряного века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

© Гумилев Н. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Валерий Брюсов	7
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	8
Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову	10
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	12
Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову	16
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	18
Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову	20
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	22
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	23
Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову	27
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	28
Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову	32
Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову	33
Андрей Белый – Валерию Брюсову	36
Валерий Брюсов – Андрею Белому	40
Валерий Брюсов – Нине Петровской	43
Валерий Брюсов – Нине Петровской	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Серебряный век. Письма и стихи

сост. Евгения Рощина

© Е. Рощина, составление, предисловие, комментарии, 2019

© А. Ахматова, наследники 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Минуло целое столетие, но мы не перестаем обращаться к явлению русской культуры, озарившему рубеж XIX и XX веков и получившему метафорическое название «Серебряный век». Несмотря на условность этого названия и спорность его как термина, оно устойчиво прижилось, прежде всего по отношению к поэзии, литературе, и расширилось, охватывая философскую мысль и всю культурную жизнь нескольких десятилетий. Наверное, не будет ошибкой сказать, что общее для всех в восприятии метафоры Серебряного века согласуется со словами Н.А. Бердяева, который называл начало столетия в России ренессансом духовной культуры, философским и литературно-эстетическим: «Раскрылись глаза на иные миры, на иное измерение бытия. И за право созерцать иные миры велась страстная борьба». О.Э. Мандельштам говорил о нем как о времени «бури и натиска», а крупнейший русский филолог Р. Якобсон – как о времени великого художественного эксперимента и авангарда.

Не было «такой сферы деятельности духа, где русские ученые, мыслители, художники, поэты не сказали бы в это время нового слова. Далеко не все они принимали революцию, <...> но все они составляли – при огромных различиях и внутреннем противоборстве единое духовное целое, ими определился невиданный рост русской науки, инженерной мысли, философии, поэзии, изобразительного искусства. Без этого поразительного фона нельзя понять и последующих достижений Шостаковича, Королева, Пастернака, продолжавших и наследовавших этот взлет», – писал академик Вячеслав Иванов о начавшемся в России в десятые годы высочайшем духовном подъеме.

Серебряный век был трагически недолог: ему суждено было встретиться с заревом грядущих исторических перемен в России. Совпадая с этими переменами вначале, приветствуя новое, он роковым образом оборвался с наступлением другой социальной эпохи. И потому «серебро» его звучит не только утонченностью поэтического голоса, но слышится звоном серебряников. Как у Цветаевой: «Не надо бы – при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, про тридцать *серебряников*»...

«Дети серебряного времени» подарили нам вечное в своих произведениях, а их письма, дневники отразили время, преломленное через восприятие замечательных, великих людей. Пожалуй, письма – одно из самых удивительных документальных свидетельств: они запечатлевают достоверно момент жизни, наполненный переживанием и текущим смыслом (в воспоминаниях он может явиться уже переосмысленным), они сообщают об отношении к адресату и событиям, в них сохраняется неискаженным отпечаток неповторимой личности, внутренней истории человека.

В этой книге собраны письма пяти русских поэтов, каждый из которых исключительно самобытен, но все они – олицетворение Серебряного века: Валерий Брюсов, Александр Блок, Николай Гумилев, Анна Ахматова и Осип Мандельштам. Пять историй о судьбах поэтов следуют одна за другой, и только на первый взгляд может показаться, что это отдельные повествования. Их обобщают единое пространство литературной жизни, люди этого пространства, чьи имена встречаются на страницах писем главных героев книги. Письма всегда диалогичны, и мы невольно знакомимся не только с их авторами, но и с адресатами – близкими поэтов, их друзьями, среди которых тоже поэты, издатели, и круг героев книги ширится... Мы читаем историю дружбы, любви, преданности и бескомпромиссности, поиска поэтической истины, вписанную в трагический и беспощадный контекст времени. Мы видим это время глазами разных героев.

Книга предполагает последовательное чтение, построена в хронологическом развитии.

Евгения Рощина

Валерий Брюсов

Разногласие волн, что меж собой согласны

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

29 сентября/12 октября 1903 года, вилла Жава, Женева

Дорогой Валерий Яковлевич, пишу вам под первым впечатлением сегодня полученного вашего письма, глубоко меня тронувшего, мой дальний – и друг, мой «чужой» – и близкий! Впрочем, близость нашу я вижу, а слово «чужой» пишу с ваших слов и на веру, вместо «неведомый», потому что вы принадлежите, по моему мнению, к типу непроницаемых лириков – тех, которые, будучи гордыми, многоликими и художниками прежде всего, умеют петь даже о самом личном из своих многих Я, не вынося его «на диво черни простодушной¹». Что же до разделений «на» партии и секты, – существуют ли они в общине эсотерической? Одно разделяет – или соединяет мертвенно: окаменение; но уже не поэт, кто окаменел. А кто поэт, тот откликается – всегда, думаю, – весь на все... Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне – до встреч мысли в отдельных частностях. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: «предо мною другие поэты – предтечи», звучит для меня как богохуление. Неправы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских *rythmes brisés*²: сошлюсь на чудесную ритмику «Старого дома» – этой гениальной вещи. Кажется мне, что стих и *стиль* Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит – и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены, – хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер.

¹ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе».

² рванные ритмы (франц.)

Большой театр Женевы (Швейцария).
О. Гарцин. 1884–94 гг.

Обращаясь к «делам», прежде всего уверю вас, что поистине желал бы избежать предварительной цензуры (и спасти, между прочим, «Крест Зла» – где, быть может, полезно пожертвовать словом: «соблазна»). Итак, доставлю материала на десять листов и потому прошу вас приступить к набору. Быть может, в самом деле хорошо издать книжку по образцу первого моего сборника, но думаю, что бумагу лучше было бы взять несколько плотнее и толще, а также печатать *шире*, с большими промежутками между строк, что и красивее. На предварительный гонорар никаких притязаний не предъявляю. «Кольца» же нам необходимо издать *теперь* и раньше «Пламенников», которых появление не заставит себя ждать. В отношении распространения, обе вещи будут взаимно друг друга рекомендовать и поддерживать. Если книгоиздательство все же боится убытка, не пожелает ли оно печатать драму в типографии «Нового времени», где на нашем счету лежит около 150 руб., которые могут войти в покрытие расходов по изданию? Свою книгу я бы думал издать только экземплярах в 500 (?); для драмы также, думаем, достаточно это число.

Ваш сердечно Вяч. Иванов

P. S. Жду корректуры и вышлю продолжение в скорейшем времени.

Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову

28 июля 1904 года, Антоновка,
Таруса, Калужская губерния

Дорогой Вячеслав!

Сегодня я прошу позволения говорить исключительно «о делах», о судьбе «Весов». На это вызывает меня твое последнее письмо, которое нашел, вернувшись сюда (за него спасибо, очень и очень). И так прости, что буду длинным, подробным и скучным.

Продолжать «Весы» так, как они идут сейчас, я не хочу и не стоит. Да, *hic desperatus*³...

Во-первых, я не в силах работать один. Когда «Весы» основывались, полагалось, что в редакционной работе будут участвовать, кроме меня, – сам Сергей Александрович, Юргис и, может быть, Бальмонт. Но вся работа оказалась на мне. «Весы» отымают у меня всю жизнь; изо дня «в день» у меня остается свободного времени только, чтобы отдохнуть, не более. И через это самое дело идет хуже, чем могло бы. У меня не хватает ни времени, ни внимания, ни даже знаний – для многого. Я не успеваю писать нужнейшие редакционные письма. Я упускаю многое в хронике, еще больше в библиографии. Я не могу выправлять всех статей (а многие в этом нуждаются) и читать все корректуры. Не говорю уже о том, что, будучи один, я не могу отлучиться из Москвы и в случае моей болезни «Весы» просто останутся.

Во-вторых, я не могу примириться с той беспорядочностью, какая царит в конторе. У меня опять-таки нет времени присматривать за конторскими и издательскими делами, а Сергей Александрович по свойственной ему беспечности ведет все слишком по-семейному. Прежде всего для распространения «Весов», для рекламы не делается ничего. Объявлений почти не печатается и совсем не рассылается. Суммы, получаемые Василием, не контролирует никто. Правильность рассылки журнала тоже. Типография подает *двойные* счета. Они оплачиваются. Зато иные сотрудники не получают гонорара по два – по три месяца. Гилю не заплачено за 2 месяца, Розанову за май, Рафаловичу⁴ ничего не заплачено, Шику не доплачено, Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле, и т. д. Знаю, что у Сергея Александровича⁵ до 30 000 рублей годового расхода (дохода больше) и что ему не жалко ничтожных сотен, должных этим лицам, но таков факт. А всю его тяжесть выношу я, который приглашал этих лиц и которые пишут жалобы не кому другому, как мне. В то же время я с января прошу выписать для «Весов» «La Revue», «Neue Rundschau»⁶, некоторые английские журналы, и тщетно. Прошу покупать книги для рецензий, тщетно. Неловко настаивать по поводу 2–3 рублей, но иной раз сам все-таки не купишь, а ущерб журналу.

Я мог бы привести гораздо больше примеров и доказательств. Но поверь мне, что и редакцию и контору «Весов» надо перестроить в основании или бросить все дело. Быть редактором нечитаемого журнала, журнала, обреченного вечно иметь 500 подписчиков, я не хочу. Ведь не ради 100 рублей, получаемых мною за редактирование, хлопочу я о «Весах». Необходимо, чтобы кто-нибудь другой поделил со мной редакционную работу, и необходимо, чтобы Сергей Александрович предоставил нам деятельное участие в издательских делах. Если эти два требования не будут исполнены, лучше бросить мертвое дело, которое, несмотря на все местные средства (приглашение новых сотрудников, например), может только разлагаться.

³ это очень плохо (лат.)

⁴ Сергей Львович Рафалович (1875–1943) – поэт-символист и театральный критик.

⁵ С. А. Поляков – официальный редактор журнала «Весы».

⁶ «La Revue» (Париж) – общественно-политический и литературный журнал. «Neue Rundschau» (Франкфурт-на-Майне) – журнал литературы, искусства и науки.

Ты понимаешь, что, говоря о «ком-нибудь другом», я думаю только о тебе. Мне представляется сейчас просто сказкой, если б мы стали работать вместе. В ближайшем я не желаю ничего лучшего. Какое-то достижение пристани, долгий отдых на «узловой» станции. И я еще раз прошу тебя ответить мне принципиально: можно ли тебе приехать в Москву и возьмешь ли ты на себя соредактирование «Весов»? От твоего принципиального ответа будет зависеть мое дальнейшее поведение.

Если ты ответишь утвердительно, я предложу Сергею Александровичу как ультиматум:

- 1) «Весы» редактируют на равных правах: он, ты и я.
- 2) «Весам» гарантирован определенный месячный бюджет.
- 3) Этими деньгами, опять на равных правах, распоряжаемся мы трое.

Если он не согласится, я слагаю с себя полномочия редактора.

Остается решить размер этого бюджета.

Я дописал до этого места, когда мне принесли (точнее привезли «эстафетой») телеграмму. Именно от Сергея Александровича. Пишет, что приехал в Москву и послезавтра выезжает в Женеву. Это значительно меняет дело. Я сегодня же еду в Москву, увижу его, переговорю. В общих чертах я передам ему все, что здесь написал. Но не так категорически, не как ультиматум, потому что еще не знаю твоего ответа. Ты с ним, конечно, увидишься. Письма этого, полагаю, показывать ему *не должно*. Все это писал я *только для тебя*. Но, может быть, вы все-таки поговорите обо всем этом. Если же я не успею (т. е. не будет мне возможности) серьезно говорить с ним, я извещу тебя. – О частностях твоего письма (о Метерлинке, Жиде, Котляревском, Булгакове, Андрееве) напишу из Москвы.

*Твой сердечно
и просто твой Валерий*

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

29 августа 1905 года, Петербург

Дорогой Валерий, – наконец пишу. Письмо будет пестрое: нужно сказать, кажется, о многом – понемногу.

Прежде всего: инцидент с моей заметкой о «Химерах», разумеется, разъяснен. Я сделал ошибку, послав корректуру простым (не заказным) письмом. Печатные строчки, просвечивающие через конверт, могут погубить посылку. Почтовой расписки у меня нет. Не удалось сказать, что следовало и как следовало; но *habent sua fata tabellae*⁷...

Еще до твоего разъяснения послал тебе латинский привет, на который ты отвечаешь – не *роковым*, надеюсь, – *Vale* («*Valerius dixit vale*»)⁸?

Шучу... Выражая радость, что ты все пышнее расцветашь («*auctius te' efflorescere*»), я разумел как твой цикл «Из современности», так и пленительные «*auctumnalia*»... Кстати, между стихотворениями, тобою иногда присылаемыми, я делаю различие: одни мне кажутся дружескими, частными сообщениями – лирикой без маски, другие – просто произведениями искусства – признаниями замаскированными. Подчас не могу противиться искушению прочесть или показать стихи второй категории тому, кого считаю достойным. Прости и *предупреди*, если ты против того (чего однако не предполагал доньше, судя, быть может, по себе). «Умирание Любви» показал я поэтому третьего дня собравшимся у меня знакомым. Были тут Жуковский⁹, Булгаков – и очень хвалил стихи, Рощина-Инсарова, здешняя актриса и твоя поклонница¹⁰. Последняя поручила мне просить тебя о разрешении читать это стихотворение, от которого она в восторге, до его напечатания как в кругу знакомых, так и перед публикой. Ответь, пожалуйста, – не забудь.

⁷ у писем своя судьба (лат.)

⁸ Прощай (Валерий сказал прощай) (лат.)

⁹ Дмитрий Евгеньевич Жуковский – издатель философской литературы, редактор журнала «Вопросы жизни».

¹⁰ Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (Пашенная) – 1883–1970.

Константин Сомов. Портрет писателя и поэта
В.И. Иванова. 1906 год. Государственная Третьяковская галерея, Москва

«Из ада изведенные» – *не* получены, – если это стихотворение не тождественно с
«Астарта, Астарта...» Напиши!!

О себе. – Живем (вдвоем с Лидией Дмитриевной) на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню. Приезжай – навести!

Книги своей я еще и не начинал печатать. Увлёкся и углубился в те изучения, которые были необходимы для научной полноты и обстоятельности моих «примечаний». Надеюсь, что «примечания» выиграют от того, что книга не появляется уже теперь, как я раньше хотел. Думаю, ты найдешь, что я прав. Жуковский терпит.

Впрочем, за последнее время я забросил временно и Публичную библиотеку: кончал Байронов «Island»¹¹ и написал статью для «Вопросов жизни».

Вижу, что нечувствительно перехожу к теме: «Весы». Согласись, что «устройство», о котором ты писал, ничего существенно не изменяет. Коллективного духа так и не будет, и «Весы» не определяют положения своей группы в дифференцировавшемся отныне «новом движении» иначе как самоутверждением отдельных своих членов. Нарцисс (судя по стилю, С. А. Гриф) в «Искусстве» (принимает ли ты в нем участие?) пишет, что поэты «Скорпиона» стремятся по расходящимся линиям. Такое впечатление оставляют «Северные цветы»; что же сказать о будущих «Весах»? De facto, однако, журнал будет по-прежнему органом двух. Другие автономные сотрудники – будут как бы провинциями с self-government¹²... Но «Весы» все же вводят беллетристику. Этот fait nouveau¹³ разбивает всю доселе выработанную схему??

Что до меня лично, я думаю остаться на всю зиму в Петербурге – и из-за моей книги, и из-за «Вопросов жизни», и из-за «Современных настроений», которые для меня здесь гораздо ощутительнее, чем в Москве, а также и по отрицательному соображению – о моей ненужности в Москве. Я с охотой возьмусь, если вы хотите, писать регулярно и о «настроениях», и о «журналистике». Что касается редактирования рецензий по отделам публицистики, истории и истории литературы, – очень дорожу и этой функцией, но ведь не поселиться же *для этого одного* в Москве! Достаточно от времени до времени навещать вас...

Все это – в принципе; напиши, когда нужно будет, на чем вы окончательно и определенно останавливаетесь в отношении вопроса о моем сотрудничестве.

Ближайшим образом думаю писать в «Весы» о «мистическом анархизме», о Минском, Добролюбове, Шестове, Зелинском. Потом – о журналах. Поручалась ли рецензия о Венгеровой? *Напиши*, какие отзывы *не нужны*. Напиши же, пожалуйста, об «Инее» – или позволь мне.

Твой Вячеслав

P. S. В № 8 я очень ценю твои переводы – некоторые прямо пленяют. Но – в целом – ужасно. «Весы» сделаются какой-то литературной безделушкой?

Редакции нужно молиться: «дух праздности, уныния, любоначала и празднословия – не даждь ми».

P. S. Видишь, как я был прав, говоря «auctius te efflorescere» на основании последних твоих вещей, – оказалось, что ты в полосе особенного творческого подъема. Работай! Ты, конечно, сам не знаешь, как много ты должен сделать. «On ne va jamais plus loin que quand on ne sait où Ton va»¹⁴ Мы все сделали еще слишком мало, ничтожно мало.

Жалко ли тебе Лохвицкой? «ὅν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν, ἀποθνήσκει νέος»¹⁵. Знал ли ты ее?

¹¹ Речь о переводе поэмы «Остров» Г. Байрона.

¹² самоуправлением (англ.)

¹³ новый факт (франц.)

¹⁴ Дальше всего уходишь, когда не знаешь, куда идешь (франц.)

¹⁵ «Кто мил бессмертным, умирает в юности» (Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы. М., 1964, стр. 291).

Передай мой сердечный привет Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне. Спасибо ей за память и поэтическую весть, поданную о себе в дни ее чудного хождения в странах гипербо-рейских.

Напиши больше!

Николай Феофилаков. Обложка журнала «Весы». 1904 год

Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову

1 сентября 1905 года, Москва

Дорогой Вячеслав!

Твое письмо опять разошлось с моей запиской – не в первый раз. Когда я начинаю вконец тосковать без вестей от тебя и спешу на Николаевский вокзал, чтобы бросить тебе молящую открытку, – это верный признак, что конверт с твоими строками уже на пути ко мне. Спасибо, и радуюсь этому влиянию на расстоянии.

Я чувствую себя умирающим в одной части своей души и воскресающим в другой. Воскресающим в той, которую ты больше знаешь. Работаю очень много, как давно уже не работал. Уже и в «Вопросы жизни» шлю целые груды стихов, а кроме того, в «Журнал для всех» и в «Беседу». Пишу статьи, рассказы, роман. Перевожу Байрона. А замыслов хватило бы на всю жизнь, если не на две. Печатаю свой «Stephanos», где ты найдешь много нового. Вообще в творчестве чувствую свежую бодрость, силу, возможность всего – окрыленность ясного утра, когда так легко дается, чего тщетно добивался и огненным вечером и в безвольную ночь. Написал, осуществил многое из такого, о чем безнадежно мечтал *целые* годы. И если по *бодрости* сил я только что сравнил переживаемое время с утром, то столь же был бы я прав, сравнивая его с полднем, по *полноте* сил, по чувству, по сознанию, что я достиг полного обладания всем, что во мне, что годы собирания кончены, пора расточать.

О «Весах» не могу сказать ничего нового. Обидно и досадно смотреть на их умирание. Это умирание, конечно, еще не заметно издали, но для меня, стоящего около, несомненно. Они движутся, но по инерции; говорят, но уже бессознательно. Плачевнее всего, что они, или говоря не фигурально, что Сергей Александрович не сознает положения. Он очень *доволен*, что я покинул редакторство, делает вид, что сам редактирует, но фактически все дело в руках Брониславы Матвеевны¹⁶. И надо признать, что она «набила руку» и «навострила глаз» в литературных мастерствах. О том, чтобы «представлять группу», как ты пишешь, не может быть и речи. И если действительно дана будет «Весам» беллетристика, они неизбежно обратятся в собрание литературных безделушек. Став теперь на положение сотрудника, я все более и более начинаю понимать, как был ты во всем прав в своих суждениях о «Весах». Они могли бы ожить лишь при коренной реформе *in capite et in membris*¹⁷, но на нее почти нет надежд. Однажды ты упрекнул меня в «отступничестве» за то, что я покинул редакторство. Но это было неизбежно. Я задумывался над этим с лета 1904 г. Осенью 1904 Сергей Александрович обещал (как русское правительство) реформы. Они оказались недостаточными. Я ждал, что приедешь ты, что приедет Михаил Николаевич, и все изменится само собой. Но после того, как Сергей Александрович отверг Михаила Николаевича и отверг тебя как соредакторов, мне не осталось больше надеяться ни на что. Я ушел. Даже писать в «Весах» не весело, и я охотно перенес бы центр своей деятельности в «Вопросы», только боюсь их обременить своей личностью. Впрочем, есть еще прибежище – «Искусство», куда я, конечно, очень зван.

Что до моих стихов, то, разумеется, они *для всех*. Это я и имел в виду, говоря «вплетаться всем телом в *гефестову* сеть». Поэтому я очень тронут желанием г-жи Рождиной-Инсаровой и буду очень «польщен», если она будет повторять мои строки. Только окончательный ли у тебя вариант «Осени» (или «Умирания любви»)? В 3-ей строфе последние стихи надо читать:

¹⁶ Б. М. Рунт – сестра И. М. Брюсовой, исполняла роль секретаря редакции «Весов» в 1905 г., печаталась на страницах журнала.

¹⁷ с головы до ног (лат.)

Запах в садах доцветающих роз.
В сердце – родник успокоенной нежности,
Счастье – без ревности, страсть – без угроз.

В 4-ой строфе 4-ый стих:

Бледный – над яркими днями – венец.

«Из ада изведенные» – понятно, «Астарта». А посылал ли я тебе «В полдень» («Свершилось, молодость окончена...»), написанное в Финляндии?

Совсем хороши твои стихи в «Вопросах». Но почему нет среди них моего любимого «Сладко месяцу темные реки...»?

О том, какие статьи нужны «Весам», не берусь судить. Приходится спрашивать Брониславу Матвеевну или хотя «самого» Сергея Александровича.

Привет и благодарность за строки Лидии Дмитриевне.

Очень твой Валерий

Не напишешь ли мне подробнее свои замечания о моих переводах Метерлинка. Мне важно. И кстати: у тебя ли моя книжка «Serres chaudes»?

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

24 октября 1905 года, Петербург

*А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Понесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры¹⁸.*

Дорогой Валерий,

Я начинал писать тебе, но ничего не выходило из прерываемых фрагментов. Да и что теперь писать?

Говорить ли, как взволновала меня весть о твоей близкой опасности? Решительно, ты заходишь слишком далеко для «наблюдателя», – хотя бы этот наблюдатель был и поэт, царственно обязанный видеть и пережить, – чье «наблюдение» – уже дело.

У вас, в Москве, теперь особенно чувствуется, как дохнуло неистовство из бездны темных сил.

Конституции ты «не веришь» и «не радуешься». «Верить» в ее близкую реальность, конечно, трудно, принимать Государственную Думу с функциями учредительного собрания, если она основана не на общеизбирательном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует, но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану на этот раз смертельную, – тому, что самый лозунг недавней борьбы – «долой самодержавие» – отныне стал праздным.

Что до самодержавия, – мы, художники, конечно, знаем, какой вместимости разбился сосуд для гениальной силы. Но ведь наш Петр не только Первый, но и единственный. Уже давно самодержавие – «личина пустоты», маска, из-за которой искаженно и хрипло говорит не личность, а чужая воля. Ведь уже Александр III был только фонографом общенародной реакции восьмидесятых годов; а он был все-таки личностью. Пусть же всенародный голос прямо слышится. Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) – государственное единство славянских народов.

Не забывай, впрочем, что я рассуждаю в плане политическом, т. е. в плане относительных масштабов. Есть иной план – духа и пророчества, абсолютных мер и конечных идеалов. Он вместе бесконечно далек и непосредственно близок, осуществим мгновенно чрез подъем личный (царство небес здесь и в нас). Это возжеленная анархия духа, могущая сразу осуществиться в общинах избранных – об этом мой «Кризис индивидуализма»...

Величава и прекрасна была «вечная память» на Невском к вечеру 18-го октября¹⁹. И было чудо: при полном отсутствии полиции не только пешая толпа, но и экипажи двигались, при массовом стечении, в непонятно-стройном порядке; более того, извозчики дружелюбно и «вежливо» объяснялись между собою, сцепляясь и выпутываясь, они не хотели ругаться, хотя руготня – красивый лиризм ремесла. Но митинг в тот же день в университете оставил тягостное впечатление. Лозунг «республика» – провокация масс, роковая тактическая ошибка.

¹⁸ Не совсем точная цитата из стихотворения Брюсова «Грядущие гунны». В оригинале: «...Унесем зажженные светлы...»

¹⁹ 18 октября на Невском проспекте проходили демонстрации по поводу манифеста 17 октября (Октябрьского манифеста). Участники митинга 18 октября выступали с требованием демократической республики. Это же требование прозвучало на митинге студентов у Казанского собора.

Твой Вяч.

Обложка поэтического сборника «Эрос». Вячеслав Иванов. 1907 год

Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову

Конец июля 1907 года, Москва

Дорогой Вячеслав!

Силою обстоятельств письма наши стали исключительно деловыми, – не сердись на это, ибо вина, кажется, не моя.

Ты просишь меня определить отношения «Весов» к тебе. Но отношения эти *никогда* не менялись. «Весы», если можно говорить об этом отвлеченном или собирательном понятии, *всегда* чтители в тебе большого поэта и большого писателя и потому всегда дорожили твоим участием. Напротив, это твое отношение к «Весам» переменялось, ибо за последние полтора года ты им не дал ничего, кроме небольшого стихотворения, тогда как в те же месяцы в «Руне», в «Цветнике Ор», в «Белых ночах» и «инде» – печатал и стихи и статьи.

Что касается лично моего отношения к тебе, то три наши последние встречи как-то позволяли мне надеяться, что мы понимаем нашу близость, чувствуем ее наперекор некоторым внешним разобщающим нас силам. А мое отношение к тебе как к *поэту* выразилось в моей рецензии на «Эрос», где я прямо отказался судить тебя, признав тебя в числе тех, кто выше суда своих современников. И поскольку мое влияние простирается на «Весы», постольку я отстаиваю в них это мнение и постольку я всегда готов и рад тебе содействовать.

Но ты укажешь мне на враждебные статьи «Весов» против тебя и «литературных зачинаний, с которыми связано твое имя» (только не «инсинуации личного характера»: таких в «Весках» не было и не может быть). Во-первых, отвечу я, ты сам сделал ошибку, связав свое имя столь тесно с именем Георгия Чулкова. Нам, живущим в Москве, простительно было не сразу понять его и из сострадания относиться к нему снисходительнее, нежели он того заслуживал. Но ты, встречаясь с ним часто, должен был понять сразу то, что теперь стало ясно для всех, – что это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист. Я надеюсь, что после наглой выходки Чулкова в последнем № «Mercure de France» ты порвешь всякие сношения с этим господином. Чулков получал в «Весках» то, что он заслуживал, но, к сожалению, говоря об нем, приходилось часто упоминать и тебя. Во-вторых же, я не считал себя вправе стеснять свободу мнений близких и постоянных сотрудников «Весов». За последний год всю журнальную, повседневную (ты знаешь сам, не легкую) работу в «Весках» несли преимущественно Андрей Белый, З.Н. Гиппиус и Эллис. Справедливо было, чтобы они за то имели право на страницах «Весов» высказывать *свои* суждения. И, конечно, я не вычеркивал из их статей тех строк, где они нападали на тебя лично, находя такое-то твое стихотворение неудачным или такую-то статью слабой, – или на близких тебе лиц, осуждая Блока или отрицая, что произведения Лидии Дмитриевны суть художественные произведения.

Ты говоришь, что допускаешь «философскую критику» мистического анархизма, но таковой быть не может. Мистический анархизм, по моему глубокому убеждению, не существует, ибо это нестройный агрегат разных утверждений, увы, слишком часто (в статьях Чулкова, например) отзывающихся плагиатом. Я уже писал тебе, что против мистического анархизма есть только одно оружие: насмешка, и «Весы» будут именно так относиться к нему, если только не предпочтут молчать. Твою же близость к этому «зачинанию» я не умею объяснить ничем, кроме большого недоразумения, и, читая твои статьи, всегда легко отделяю истину от случайного. Я очень ценю и читал с большим наслаждением твою новую статью в «Золотом руне», но вынимая из нее пять-шесть строк «мистически-анархистских», совершенно не идущих к делу.

Рукопись «Cor Ardens» мы еще не получили. Разумеется, вопрос о ее издании стоит особняком от вопроса о твоем отношении к «Весам» *потому, что издание «Cor Ardens» решено.*

Но я думаю, что и ты не разделяешь «Весов» от «Скорпиона», ибо это не два отдельных предприятия, а одно дело, одна душа, одни и те же люди.

Всегда твой Валерий

P. S. № 6 «Весов» послан тебе дважды: в Петербург и в деревню. Теперь пошлем в 3-й раз.

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

4 августа 1907 года, Загорье

Дорогой Валерий! Решительно пора мне написать тебе как следует, – т. е. достаточно много с одной стороны, с другой – в тоне большей, чем в коротких и деловых письмах, непринужденности и открытости. И хотя все, о чем хочу писать, будет иметь прямое отношение к нашим «деловым» темам, тем не менее самая непринужденность и, быть может, разговорчивость этого письма дает, мне по крайней мере, впечатление устного разговора. Я ненавижу суррогаты, но теперь слишком стосковался по личному общению с тобой и очень в нем нуждаюсь. Итак, буду говорить с дружескою доверчивостью и прямою (за которую ты, я надеюсь, не рассердишься на меня, единственного, быть может, твоего друга в неложном смысле) – отправлюсь от наших текущих злоб дня и контроверз. Твое подробное письмо, за написание которого я тебе благодарен, дает мне вехи; и, кроме того, истинное дружеское чувство, каким всегда проникнуты твои редкие и – пусть даже подчас враждующие – строки, создает надежную почву для той откровенности, какая мне кажется в данном случае уместной и нужной.

Мы имеем на очереди тему: «Весы». Я скажу тебе, не обинуясь, как я смотрю на них в настоящее время. В деловом отношении ты можешь с этим мнением совершенно не считаться; про себя ты признаешь или не признаешь правду в моих словах. «Весы» тебя внутренне не интересуют. Они для тебя средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня. Они придают твоему положению в литературе большую независимость, упрочивают его. Излишне уверять тебя, что мне достаточно ясна огромность твоего таланта, как и его гибкость; ты мог бы быть «prince»²⁰ и без «Весов». Но все же «представительство» полезно. И вот ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев (разумею и Эллиса, и Андрея Белого). Иногда ты сам кладешь резолюции на текущие дела (в виде рецензий), напоминая литературные авторитеты и ссылаясь на соответствующие статьи уложений гражданского и пиитического. Умертвив журнал, в смысле органа идейного движения, обратив его в «Правительственный вестник» традиций и канонов одной маленькой литературной эпохи, которую ты настойчиво называл некогда «бальмонтской», ты вместе с тем сумел сделать «Весы» более приемлемыми и интересными для «матушки-публики». Здесь ты многими даже лавировками вправо, в сторону чистого академизма, и главное беллетристкой, которую сам блестяще обогащаешь. Твой «Огненный ангел», хоть не всеми частями, безусловно хорош. Поразительна его как бы графическая отчетливость – в роде старинных немецких гравюр. При отсутствии внутреннего, идейного интереса к журналу ты, естественно, допустил в нем непонятный для мыслящего читателя эклектизм и беспринципную разногласию случайных мнений. В охранительной гавани «Весов» нашли себе приют и обломки разбитого бурями «Нового пути». Добро ли, что ты в «Весах» наделал для литературы, – вопрос спорный. Но бесспорно для меня одно: что ты ответствен за все, что совершается в «Весах» (улыбнись: так правительство обвиняют в погромах), – ответствен если не подстрекательством, то попустительством, и несомненно для меня, что твоего *mot d'ordre*²¹ достаточно, чтобы нахал стал пристоем, а одержимый излечился от судорог, – как, например, ведь правительственным внушением объясняется, что Андрей Белый имеет низость хвалить Кузмина, как он делает это в рецензии о «Цветнике Ор», после всего, что он писал о нем раньше в строках и между строк.

²⁰ князем (франц.)

²¹ распоряжения (франц.)

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

27 сентября 1907 года, Загорье

Дорогой Валерий,

Упрекая меня за мою невежливую безответственность (хотя формальная и не злонамеренная невежливость до некоторой степени извинительна при дружбе, – я же ведь *только дружбе* позволяю говорить мне лично, например, о «постыдности» мистического анархизма, так как, не ответствуя за фиктивную *группу*, называю «мистическим анархизмом» и свои личные воззрения), – итак, упрекая меня, ты, без сомнения, прав пред судом человеческим, но Гелиос, «все озаряющий с небес», – клянусь им, как греки, – видел, что я исписал тебе *много* страниц почтовой бумаги, которую, однако, не отослал, – так что «достойным» ответов обстоятельных на «обстоятельные письма» я тебя уже во всяком случае «почитаю». Еще раз прости и извини меня – *habes confitentem reum*²², как выражается Е. Семенов, – но *идеально*, я повторяю, вовсе и не виноват, ибо – писал. Почему же не писал все-таки, в почтовом смысле? Потому что видел, что запутанное еще больше запутается перепиской, где приходится невольно обвинять, защищаясь от обвинений. Я очень желаю говорить с тобой, еще больше – тебя слышать, раз у тебя так много недоумений относительно меня, и крепко надеюсь, что «непонятное» станет понятным, надеюсь на возможность гармонических отношений между нами в наших *стремлениях*, как уверен в глубокой *душевной* гармонии между нами, торжествующей всякий раз, когда мы просто, человечески, братски глядим друг другу в глаза. Ибо и я – не только люблю тебя, но и чту; и что еще, быть может, важнее – просто люблю всегда, даже когда вижу твои «отводы». Например: если ты не хочешь стеснять сотруднической свободы, кто мешает тебе оговорить собственное мнение? Но мнения твоего, хотя бы только обо мне после «Эроса», – я бы вовсе и не знал, если бы не получал твоих писем. Итак, я, которого ты исключаешь в своих оценках мистико-анархической группы, все же сопричислен и тобою к «пантеону пошлости»? Итак, мои «Золотые завесы» ты, как и критик «Весов», считаешь «крапивой»? Итак, «Оры» и для тебя лишь то, чем они являются в глазах зоилов твоего журнала? Я считаю *тебя* ответственным *за все*, что читаю в «Весах». И таково общее мнение, и таково будет мнение будущих наших судей. Вся неправда, наполняющая страницы «Весов», судит – и осудит – сама себя. Вот почему, оставляя личную сторону дела и рассматривая «критику» «Весов» только как критику, я, вообще совершенно чуждый злорадства, ловлю себя подчас на дурном чувстве некоторого удовлетворения при мысли о том, какому презрению и осмеянию подвергнутся в недалеком, быть может, будущем ваши (ибо *ты* – ответственное лицо) иеремиады, написанные желчью, смешанной слишком часто (смотри все, касающееся Чулкова) – с опиумом. Хотя бы академическая сановитость внушила тебе мысль о неприличии некоторых истерик под колоннами академии и чувство жуткости перед философскими промахами некоторых, не довольно осведомленных! Но ты сам теряешь всю обычную отчетливую ясность своего ума, когда заговариваешь о «пресловутой доктрине», с которой, по-видимому, не соединяешь никакого определенного представления. Что значит это «изъятие нескольких строк» из моей статьи в «Золотом руне», сделанное тобою мысленно при ее чтении, – строк, будто бы написанных в угоду оной доктрине? Ты читал все мои статьи, по мере их возникновения, и должен отчетливо знать, что она доктрина проходит через них красною нитью, хотя бы начиная с «Копья Афины». «Кризис индивидуализма» уже дает ее готовой, еще до «Факелов». Мои искания искренни и как бы *органичны*. Думаешь ли ты, что можно остановить это органическое развитие, это неизбежное движение цензурными окриками: куда? куда? Я надеюсь, что ты видел мое «письмо в

²² сознающий свою вину (лат.)

редакцию» в «Товарище» (от 23 сентября, № 379) и не откажешь мне его *перепечатать*. После этого моего отграничения от вдохновений Чулкова или Городецкого или кого бы то ни было еще, ты не скажешь мне, что я «падаю в чьи-то объятия», и не будешь (весьма наивно) уверять, что мне у вас достается только по досадному смешению с виновниками мятежа в суматохе умирительного разгрома. То, что я говорю, я назвал мистическим анархизмом: его, мистический анархизм подлежит не издевательствам и глумлению, а серьезной критике по существу, – если вы желаете моего товарищества. Или же вы должны сказать: мистический анархизм есть то-то и то-то, *но не* статьи Вяч. Иванова, «мистический анархизм» которых, как угодно выражаться их автору, подлежит отдельному рассмотрению. Но даже исключая меня лично, – просто неумно не видеть, что мистический анархизм отнюдь не мнения А или В, но широкое, хотя и не определившееся и уже отнюдь не высказавшееся в «Факелах» явление общей умственной жизни, – пусть даже болезненное, но уже никак не подлежащее журнальным полемикам и личностям. Мистический хаотизм, тщетно бьющийся в родильных муках и тебе столь дружественный, относится сюда же!..

Но ты лично «прибег под знамя благоразумной тишины»²³ – и охраняешь ценности истории литературы вообще и литературы той эпохи, которую называл «бальмонтовской», в частности. *A la bonne heure!*²⁴ Жаль только, что ваша редакционная фраза о «беспочвенных...» – не помню существительного, что-то вроде «бессмысленных мечтаний», – смешна, как серьезная насупленность на детском лице посреди ребячьих игр.

²³ Видоизмененная цитата из романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (гл. II, XVIII).

²⁴ в добрый час! (франц.)

Николай Феофилакт. Обложка журнала «Весы». 1908 год

Удивляюсь, что ты уверен, что я не «посетую» за небрежение моей книгой. Ссылки на «срок» ни при чем. Сроком никогда не было обусловлено издание. О том, что теряю черед, я не был предупрежден. Книга не была готова – вот и все. Вы могли отказаться издавать или отказаться издавать немедленно. Но я получил *определенное обещание, что печатание начнется тотчас. На этом условии* я выслал рукопись. О шрифте меня не известили своевременно. Если вам издавать «Cor Ardens» неохота, я ведь не навязываю своей книги. Но класть дело об осуществлении издания под сукно нельзя. Я прошу определенных гарантий, касающихся времени появления сборника.

Вопрос, почему я печатался в других местах, а в «Весы» ничего не давал, требует немедленного ответа. «Эрос» я хотел издать впервые книгой. «Золотые завесы» сохранить для «Ор». Что же остается? Несколько стихотворений, из которых одно было, однако, в «Весах». Кроме того, «Весы», я знал, обременены поэтическим материалом, и поэты теснятся, ожидая очереди. Что до статей, я взялся писать о Бердяеве, не поспел к сроку, статью у меня отняли. Мою рецензию о «Жизни Человека» сочли ненужной. Кроме того, чувствовалось, что мои идеи не встречают вообще отклика в «Весах» или встречают резкий протест.

До свидания, дорогой Валерий! Письмо почти не нужно ввиду близкого свидания – недели через две, – но я хотел писать, чтобы ты не думал в самом деле, что я пишу тебе только, когда «телега ждет». Прости, если что покажется жестким, и отомсти жесткостью выражений, но не сердца!

Твой сердцем Вячеслав

P.S. Надолго ли нет шрифта? Если на месяц *minimum*, я согласен на эльзевир с условием, чтобы внешность и все подробности издания вполне соответствовали твоему «Венку». Напиши мне, как друг, сюда *тотчас* же – будь мил и великодушен! – хотя *billet de correspondance*²⁵ – между прочим, о «Cor Ardens», шрифте и *сроке, когда окончится печатание*.

²⁵ записку (франц.)

Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову

3 ноября 1908 года, Москва

Дорогой Вячеслав

Узнал, что ты в Петербурге. Несколько раз писал тебе из-за границы. Доходили ли до тебя эти письма? Очень хотел бы получить весть от тебя. Мы здесь готовимся к кампании будущего года. Если до тебя дошел ходивший здесь слух, что «Весы» прекращаются, не верь ему. Можно ли рассчитывать на твое более деятельное, чем последние годы, сотрудничество? Весьма хотелось бы, и было бы очень нужно. Исключение Городецкого из числа сотрудников было сделано *без моего ведома*. Считаю эту меру и неуместной, и нетактичной. Статья его, подавшая к тому повод, была просто глупая, мальчишеская статья, на которую не стоило обращать внимания. Но зато следующая его статья уже действительно непристойна и отрезает путь к примирению. Все же, как некоторый противовес происшедшему, мы даем сравнительно благосклонную заметку о «Дикой воле», которая мне лично не нравится вовсе. Этой зимой, до Рождества, постараюсь быть в Петербурге. О многом надо, необходимо надо, с тобой говорить. Наши последние встречи то слишком беглые, то слишком деловые. Жду в ответ хоть несколько слов.

Твой Валерий

P.S. В 1909 г. в редактировании «Весов», т. е. во внутреннем распорядке редакции, будут произведены важные реформы. Напишу о том отдельно, если ты подтвердишь свою солидарность с нами.

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

7 ноября 1908 года, Петербург

Дорогой Валерий!

Благодарю тебя за вести из-за границы, за эти письма, в которых опять слышалась мне старинная нотка внутренней близости – та, что за последнее время звучала подчас разве лишь при личных свиданиях между нами с глазу на глаз, но совершенно отсутствовала в нашей случайной и редкой переписке о внешних делах. С радостью прежней расслышал я в твоих строках какой-то призыв к обновленному сближению (интимному, не деловому) – и всею душой откликнулся на него... заочно. Мне все хотелось тебе писать, но все пропускал я какие-то сроки и уже не знал, где ты – на В^d Vaugirard²⁶, или в Лондоне, или по дороге в Москву: здесь опять проявилась моя «кармическая» вина и первозданная несостоятельность как корреспондента. Если я исправлюсь в отношении переписки, это будет поистине знаменовать новый этап моей душевной жизни и какого-то великого преодоления. Оно, тем не менее, не невозможно: ибо, возвратившись из Крыма к 17 октября (годовщине ухода Лидии), я устроился по-новому (сравнительно с прошлой зимой) на «башне» и собираюсь быть трудолюбивым, дружить с письменным столом и корректурами и не обуславливать более внутреннего сосредоточения «неприятным» литературой. Из чего, однако, не следует, что я (употребляя выражения твоего письма) думаю попасть в зубчатые колеса того, что мы называем, со вздохом, «литературой». Так что слова твоей сегодня полученной записки: «мы здесь готовимся к кампании будущего года» – даже смутили меня. Что это опять за «кампания»? Ужели снова «Руно» и «Весы»? или какой-то «индивидуализм» и какая-то «соборность»? или «идеализм» и «реализм»? или еще что? или Белый – Эллис contra Чулков? или Антон Крайний contra Кузмин e tutta quanta perdita genlê²⁷?.. Утешил ты меня сообщением, что изгнание Городецкого совершилось без твоего ведома и что ты считаешь эту «меру» (!) «и неуместной, и нетактичной». Прибавлю с своей стороны, что мотивировка этой «меры» против статьи, которую ты называешь «мальчишеской», заключала в себе инсинуацию уже не «мальчишескую», а злонамеренную: был поднят нелепый разговор о «национальностях» на основании одной бестактной фиоритуры стиля, притягивающего на «хлесткость». Городецкий, кстати, на мой взгляд, опять крепнет и очищается как художник; я надеюсь, что снисходительное отношение к неудачной «Дикой воле» он оправдает новыми доказательствами своего крупного и самобытного таланта. Что касается до всяких критик и полемик, – нам, maestri²⁸, следует быть выше этой сферы мыслительной сутолоки и всяческих толков о нас. О, если бы «Весы» сделались поистине академическим органом! Единственная борьба, в которой я намереваюсь участвовать, – есть борьба за утвердившиеся в моем духе ценности религиозного сознания. Все остальное – niedere Region²⁹, куда я не думаю нисходить. Более деятельное сотрудничество в «Весах» мне желанно – в той же мере, в какой желанно оздоровление «Весов». Серьезный, объективно-спокойный тон, отказ от полемических «красот», строгий вкус, устранение всего, что может быть истолковано учениками и толпой как симптомы междоусобной войны и соревнования между maitr'ами – вот что сделало бы «Весы» тем, чем они должны в настоящее время быть, – органом *der Meister*³⁰. Голос всех тех, кого «Весы» признают как «Meister» современной нашей словесности, должен раздаваться на стра-

²⁶ на бульваре Вожирар (франц.)

²⁷ и всей этой пропащей публики (итал.)

²⁸ мастерам, наставникам (итал.)

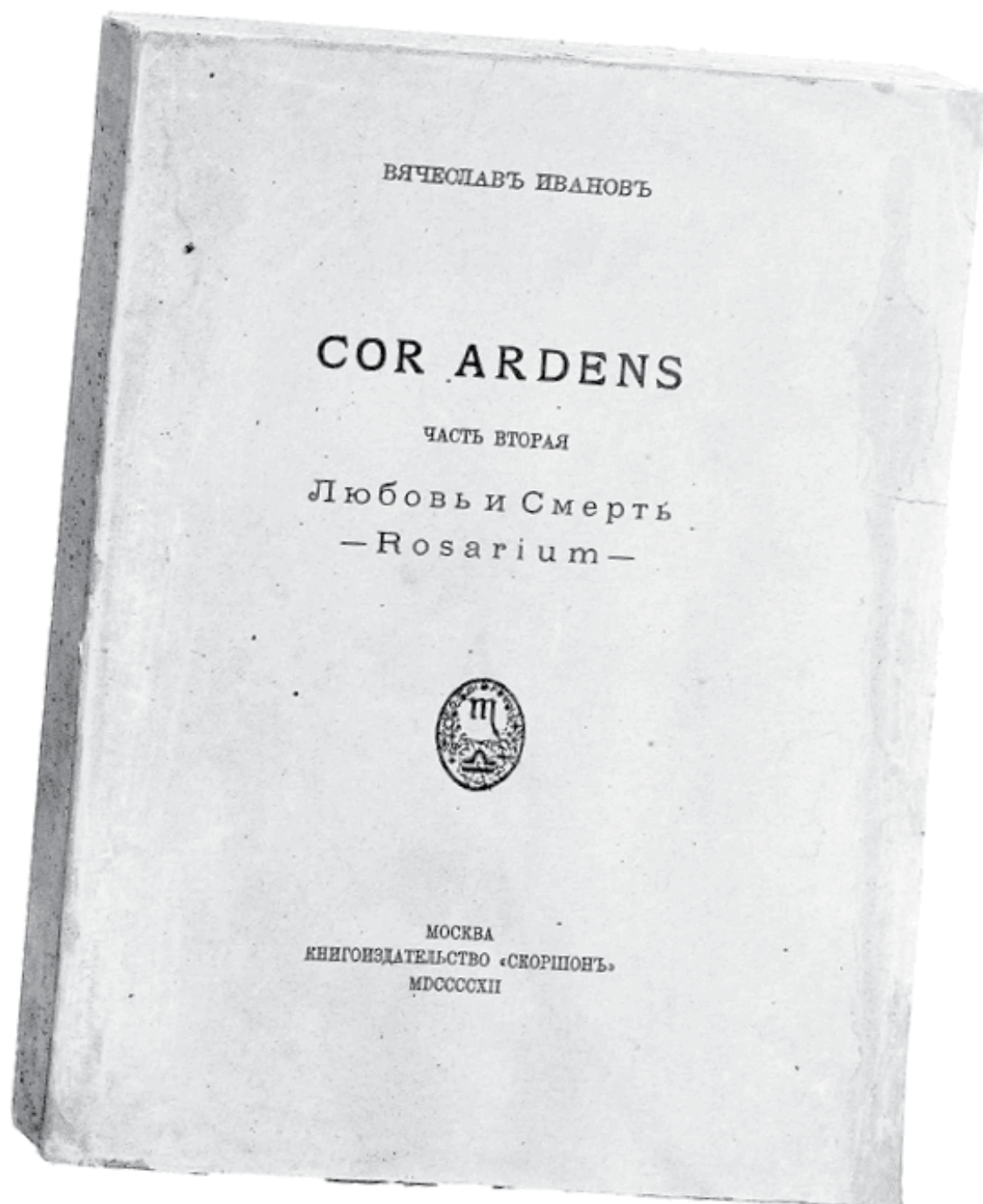
²⁹ область низшего (нем.)

³⁰ мастеров, наставников (нем.)

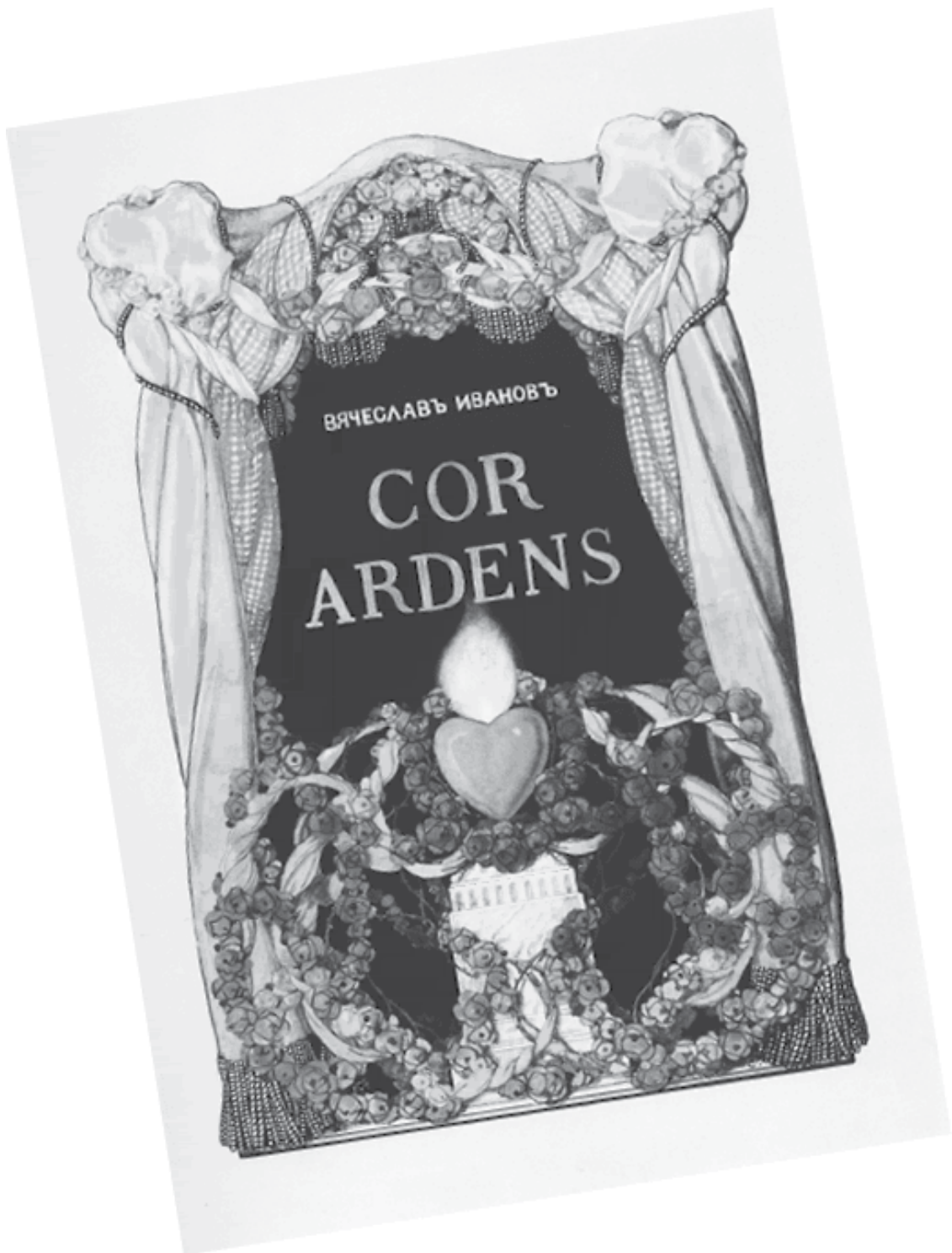
ницах журнала, и противоречия не должны служить соблазном: каждый имеет право на внимание и на объективное рассмотрение, без всякой тенденции его опровергнуть. Это возможно: ведь и Талмуд весь состоит из противоречивых, если угодно, наставлений отдельных раввинов. Один учитель не легко решается уличать другого во лжи или нарушении; здесь есть известный такт и как бы этикет... Говорю все это, чтобы ответить на твой вопрос о моей «солидарности» с «Весами». По существу дела, можно говорить только о солидарности журнала со мной, а не наоборот. Я, с одной стороны, уже сложился и определил себя, с другой – иду вперед закономерно и не предвижу в будущем идейного *salto mortale*. Журнал может испытывать модификации как таковой, но не изменились ни ты, ни я в себе и своих стремлениях. А какой характер будет носить далее журнал, в каком смысле изменится его различно изменяющаяся физиономия, как сложится его ближайшая программа и *régula*³¹, – это было бы мне важно знать.

Дорогой Валерий, я почти написал «книгу лирики» – «Любовь и Смерть». Это канцоны и сонеты, посвященные ушедшей. Мне хотелось опубликовать эти 37 (по плану) стихотворений отдельной книжкой, с прибавлением прежних стихов, посвященных в разное время Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Знаю, что появление этой книжки теперь вас не «устраивало» бы: об этом мы уже говорили. С другой стороны, эта, четвертая, книга лирики необходима для архитектурной стройности тома «*Cor Ardens*». Ее вменение в том позволяет всю книгу назвать уместно «*Cor Ardens*» и удивительно гармонирует с прекрасной обложкой Сомова. М.Ф. Ликиардопуло известил меня, что «*Cor Ardens*» выйдет очень скоро. Итак, если «*Cor Ardens*» выйдет к декабрю и возможно вместить в конце «Любовь и Смерть» (нужны страниц 25), – то я ничего не предпринимаю для издания новых стихов отдельной книжкой. Если же «*Cor Ardens*» появится не скоро, то для меня составляет *нравственную потребность* издать новые стихи тотчас же, хотя бы в небольшом числе экземпляров, чтобы отметить годовщину ухода той, имени которой они посвящены. В журнале или частями печатать их нельзя. Будь добр, ответь.

³¹ устав (лат.)

Сборник «Cor Ardens»
Вячеслава Иванова. Часть 2.
Любовь и смерть. Rosarium. 1912 год

Фронтиспис к сборнику стихов Вячеслава Иванова «Cor Ardens». 1907 год

Обнимаю тебя сердечно; душою с тобой; жду свидания нетерпеливо; не забывай меня и пиши часто; извести, пожалуйста, о безотлагательном тотчас.

Твой всегда Вячеслав

Прости, если что мое в «Франческе» показалось тебе своевольным; я очень спешил. Поздравляю с окончанием великолепного «Огненного ангела».

Вячеслав Иванов – Валерию Брюсову

Ночью на 1 февраля 1909 года³², Москва

*Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расселин
Гранита смотрят. Крадется ликорн³³.
Зачем мой дух не волен и не хмелен?
Зачем в груди пылает ярый горн?
Кто страсть мне присудил? и кем он веле,
Суровый приговор бесстрастных Норн³⁴!
Свободы! Тишины! путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим Гномам,
Иль с дочерью царя Лесного пасть (!!) –
Иль мирно спать с травой, со мхом, с кристаллом...
Нет! голосом бессонным и усталым
Звучит во мне, считая миги, страсть.*

*О Валерий! не венцами
Я твоими убираюсь:
Верный, я свести стараюсь
Лишь твои концы с концами.*

*Рифмы – прерванные ласки!
Рифмы–сфинксы! Сбросьте маски;
Нашей дружбы, нашей сказки
Будьте тайными гонцами.*

Вячеслав

³² Открытка. Сонет, составляющий первую часть, принадлежит Брюсову. Сонет написан 11 июля 1908 г. под заглавием «Ликорн» и вошел в сборник «Все напевы». Однако в тексте Иванова присутствуют разночтения, преимущественно в рифмах. Возможно, Брюсов предложил Иванову «угадать» рифмы своего сонета.

³³ Ликорн – мифическое существо, единорог с телом лошади.

³⁴ Норны – богини судьбы в скандинавской мифологии.

Валерий Брюсов – Вячеславу Иванову

18 января 1910 года, Москва

Дорогой Вячеслав!

Ты несказанно обрадовал меня своим письмом. Несмотря на то, что мы разделены с тобой всеми внешностями нашей жизни и последние годы встречаемся крайне редко, – я чувствую тебя близким и бесконечно себе дорогим. Скажу даже, что ты мне самый близкий из всех, ныне живущих существ. Не знаю, как такие слова отзываются в твоей душе, но все же хочу их тебе сказать.

Мне было очень понятно все, что ты написал мне о «крайнем равнодушии, оковывавшем тебя». Это чувство я пережил сам и отчасти еще переживаю до сих пор. Между прочим, под его влиянием бежал я за границу, где провел больше трех месяцев. За эти дни я почти ничего не делал, во всяком случае не делал, не писал ничего важного. Да и теперь, вернувшись в Москву, к своим книгам, к своим бумагам, я с явным насилием принуждаю себя жить и работать.

Этому внутреннему неустройству соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской литературной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие идеи изжиты, – новых нет. Но в то время, как мы, которые, так сказать, в своей груди выносили идеи недавнего прошлого, с правом говорим себе и другим: «мы хотим иного», – кругом толпа новоприбывших незнакомцев, ничего не переживших, ничего не выносивших, пляшет каннибальский танец над прежними нашими идеалами и плюет на них. И это отвратительно.

Сергей Малютин. Портрет Валерия Брюсова. 1913 год. Государственный литературный музей, Москва

Ты знаешь, что я никогда не был врагом молодости, молодежи. Не я ли первый приветствовал Белого? и Блока? позднее Городецкого? и Гумилева? и совсем недавно графа А. Толстого? Но я хочу или иметь возможность учиться у молодежи, или чтобы она училась у меня, у нас. Третьего я не признаю. Или принеси что-то новое, или иди через нами поставленную триумфальную арку. Когда же как новое откровение предлагают мне идеи, нами пятнадцать лет тому назад отвергнутые и опровергнутые, я оставляю за собою право смеяться.

В Петербурге у вас я не вижу никаких радующих предзнаменований. Может быть, я ошибаюсь, судя издалека. Мне кажется, что союз «Аполлона»³⁵ – вполне внешний. Его идея – привешена извне, а не возникла из глубины того сообщества, которое окружает журнал. «Академия» – учреждение очень приятное, заслуживающее всякой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни.

Иначе ее роль – сохранять, и бессмысленно сохранять, традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям.

Еще хуже обстоит дело у нас в Москве. «Весы» умирают не только физически, – они умерли и духовно. Вокруг них нет никого, кроме шакалов, догладывающих оставшиеся кости (разумею Ликиардопуло и кое-кого еще). «Музагет» себя откровенно объявляет эклектиком. Это лучшее, что он может сделать. Только самая широкая, общекультурная платформа способна сейчас еще объединить более или менее широкие силы. Впрочем, я лично в «Музагете» почти не участвую. Для такого нетрудного дела, какое он затеял, не стоит трудиться.

Я думаю, что в этой общественной дезорганизации достаточно повинны и мы, т. е. мы с тобой. Ибо больше обвинить некого, за полной духовной безответственностью Блока, за почти преступной зыбкостью Белого и за горестным падением Бальмонта (с которым я провел несколько недель в Париже). Что должно делать мне, я ищу, я стараюсь понять и надеюсь услышать от тебя. Но тебе прежде всего, усилием воли, надо стряхнуть с себя твое равнодушие. Сейчас время, когда тебе нельзя, когда ты не имеешь права – молчать. Последние годы, ушедший в совершенно не читаемое нигде и никем «Золотое руно», ты как бы не существовал в русской литературе. Единственное твое дело было – сборник «По звездам». Это очень много, это дело едва ли не великое, но для наших дней даже великого мало. Надо больше. Ты должен писать, ты должен говорить, ты должен учить. И прежде всего ты должен воскреснуть как поэт. «Cor Ardens» более чем необходимая для нас книга. Отсрочка каждого дня ее появления – есть твое преступление перед русской литературой и, следовательно, перед русским обществом, перед всей Россией.

Я очень жалею, что в моем распоряжении только перо и бумага. Мне хочется говорить с тобой и сказать все это, с бесконечными дополнениями, с развитием всех мыслей, устно. Но не знаю, когда удастся мне быть в Петербурге и у тебя. «Обстоятельства», и прежде всего работы держат меня прикованным здесь. Не смею тебя просить о письмах, но тайно хочу надеяться на них. Обнимаю тебя любовно.

Твой всегда Валерий

Здесь был Сологуб. Сейчас – Сомов.

³⁵ 1909–1917 – литературно-художественный журнал, редактором «Аполлона» был С. К. Маковский.

Андрей Белый – Валерию Брюсову

17 апреля 1903 года, Москва

«Вы для меня <...> – Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!»

Рад чрезвычайно получить от вас письмо. Поздравляю вас и Анну Матвеевну с праздником: Христос Воскрес! Завидую вам: теперь в Москве как-то особенно уныло. К яростно напряженной и лихорадочной суетне присоединяется еще и невыносимо гнетущая астральная атмосфера. Газеты сулят вихрь снегов, летящий на Москву. Быть может, холод освободит Москву от тучи уныния: пришла – уйдет. Лично для меня все отягощается еще одним странным обстоятельством: у меня такое чувство, как будто моя личность как бы оторвалась от индивидуальности: она вернулась, совсем вернулась сюда, а индивидуальность ушла туда сквозь конец – окончательно. Мне кажется, что «я» еще недавно смотрел отсюда туда – бесконечно говорил о «тамошнем» в качестве созерцающего. Теперь произошло обратное. Оттуда смотрю я сюда и еще умею говорить, как и «они», а они ничего не понимают – думают, что я все тот же. Мне хочется говорить с ними о внешнем и молчать о том, что приблизилось; как это трудно: отовсюду обращаются с умными разговорами, когда «оно» – безумная реальность. Они думают – я с ними, но из духа протеста хочется крикнуть: «Ничего не понимаю» – огорошить трезвостью тех, кто слишком трезв, чтобы без рассуждений «о» отдаться глубине – уплыть от их рассуждений. Когда к Стеньке Разину пришли, чтобы исполнить приговор, он нарисовал лодочку на стене и смеясь сказал, что уплывет в ней из тюрьмы. Глупцы ничего не понимали, а он знал, что делал. Можно всегда быть аргонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец – броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности – к солнцу – золотому руну...

И вот тот, кто слишком много обсуждает безумную реальность, недостоин приобщиться аргонавтизму – не аргонавт он. Не хочется с ним летать, хочется удивить позитивным: «Не знаю вас, не понимаю...» Он суетлив, мелочен в вопросах «потустороннего» (напр., Розанов), когда там все усмирено и грандиозно. Там нет речей даже о Конце.

Конец разыгрывается в душе на пути туда, а Конец мира сего там вовсе не занимателен, потому что растаял в душе образ мира сего.

Как мне странно.

Мне казалось – прежде был «я» и еще какое-то далекое «оно», взламывающее лед поверхности. Теперь «оно» стало «я», а прежнее «я» – бедное – оно трепещет на мне, как моя одежда, терзаемая ветром. Я стал вывернутым наизнанку, но сохранил свои контуры; вот этого-то не замечают знающие меня люди. Если всмотрятся в меня люди, не видящие Другого, они, к ужасу, заметили бы черный контур, очерчивающий хаос, – и ничего больше. Но они вообще не пристально смотрят: поэтому они допускают меня.

Странно мне.

Странны и смешны мне слова о двух путях, о раздвоении, о полюсах святости. Так много слов – это едва ли не преподавание... Зачем? Разве нельзя просто, без фанфар, пройти сквозь ворота Конца – стать за Концом? Зачем в такой мысли все эти «культурные, слишком культурные»³⁶ ужимки? «Культура, – это только тонкая яблочная кожица вокруг бушующего хаоса», – сказал Ницше. Культура – прибавлю я – есть временность, а временность (в каком угодном смысле понимаемая) – только перепонка между двумя безвременьями: хаосом до- и после-

³⁶ Перефразированное заглавие книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое».

временным, расплющивающим время. Время – пористая перегородка, сквозь которую мы переживаемся, а сама эта перегородка (что очень важно) только поверхностное натяжение двух противоположно заряженных сред, а не что-либо третье, разделяющее; но и противоположность тоже видимая, заключающаяся в разности направления по существу однородных вибраций. Но и разность направления получается от разности восприятия нами, от разности нашего положения как к одному, так и к другому (в существе все тому же) безвременью. И не в том суть, что два пути – две линии, убегающие в до-временность и в после-временность, равнозначущи (ветхий завет = новому, тело = духу и т. д.), а следовательно, обязательны, – дело в том, что оба пути бесконечны и никогда не родятся молнии, пробивающей перегородки (серединности, временности, маленького «я»), ибо перегородка есть величина мнимая для тех, кто заглянул туда, и фильтрующая перепонка для тех, кто весь обусловлен отношением двух взаимно-противоположных натяжений хаоса – то есть кто позитивен. Это не «нечто», задерживающее соединение бездн, это простое отношение двух бездн; бездны несоединимы; каждая ведет к безвременью; обе вместе – никуда. Серединность – переход, в серединности противоположности даже не смешаны (не может быть смешанности – смешного). Выход из серединности есть выход в один из хаосов. Соединения, смешения, синтезы – игра слов без переживаний, переживания, основанные на оптическом обмане! Все это слишком просто для того, чтобы быть принято всерьез, и лишено Великой Легкой Простоты, убивающей всякую возможность серьезных возражений.

Андрей Белый. 1902 год

Простите, дорогой Валерий Яковлевич, я пишу таким странным тоном. Мне хотелось бы только сказать одно простое и для меня самое важное: как мне легко и странно!

Остаюсь готовый к услугам и глубоко уважающий вас

Борис Бугаев

P. S. Мой поклон и уважение Анне Матвеевне.

Валерий Брюсов – Андрею Белому

5 декабря 1903 года, Москва

Дорогой мне Борис Николаевич!

Ваше письмо в «книгоиздательство» поразило меня³⁷. Я верил, что поело всех слов, какие вам случалось говорить мне, какие нам случалось говорить друг другу, – между нами более тесные связи, чем те, которые разрываются десятиминутным обменом попреков. Неужели же вы не узнали меня из всех моих стихов, из всех моих речей и поступков, а узнали вот в те четверть часа, что мы стояли у полки с изданиями «Скорпиона»? Я говорил с вами через все условности общежития, через всякие «вежливости» и «салонности», а вы расслышали только обидные слова! Для меня вы уже никогда не можете стать отвлеченным Андреем Белым, и нет никого кругом, кого я так желал бы знать близким себе, как вас, – а вы пишете обо мне в третьем лице, как о чужом и чуждом!

Но дело не только во мне и вас. Среди нас иная сила, пренебрегать которой мы не смеем. Маленькие чародеи, мы заклинали страшного духа; он предстал; и его не заставят исчезнуть наши бессильные заклинания. Мы уже не над «Скорпионом», а в нем; мы управляем им не более, чем кормщик кораблем, крутым бурей. И с вашим уходом «Скорпион» и «Весы», конечно, не пропадут. К нам примкнут еще многие, ибо вокруг уже образовался тот водоворот, который засасывает всех, плывущих мимо. Но с вашим уходом от «Скорпиона» будет отнято все присущее лично вам, ваша вера, ваша зоркость, ваша молодость. Наш путь изменится, правда, на ничтожный угол, но если мы продолжим линию этого пути в даль годов и в даль влияний, – как изменится цель! В вашей воле дать торжество вам желанному направлению, но вы от этого хотите отказаться. Сколько раз говорили мы с вами о недостатках «Мира искусства» и «Нового пути» (вы его называли «Бедным путем»), и вот у нас журнал, который мы можем сделать таким, как мы хотим, – и опять от этого вы хотите отказаться. Если вам дороги не только ваши стихи, и образы, и книги, – но и власть их над людьми, и торжество всего, чему вы верите, – уходя из «Скорпиона», вы совершаете преступление.

³⁷ В письме идет речь о конфликте между Брюсовым и Белым, связанным с издательством «Гриф», которое было основано С. А. Соколовым в 1903 г. «Гриф» ставил перед собой те же задачи, что и «Скорпион», однако требования «Грифа» к художественному уровню издаваемых произведений были не высоки. Белый собирался сотрудничать с «Грифом» и покинуть «Весы» и «Скорпион». Позже Белый изменил свои намерения, и стороны примирились.

Обложка альманаха «Гриф». 1904 год

И во внешнем вы совершенно не правы. Совсем неверно, будто мы, «скорпионы», наложили на вас какие-то деспотические требования. Вы были среди нас, когда мы решали, что участвовать в «Грифе» не должно, вы были из тех, кто решал это. Я помню ваши глаза и как звучал ваш голос, когда вы говорили Зинаиде Николаевне: «Я возьму, я все возьму!» (т. е. все рукописи из «Грифа»). И если б не было этих ваших слов, этого вашего согласия с доводами Дмитрия Сергеевича, мы, наверное, не решились бы отказывать Блоку, Мировпольскому, многим другим... И до сих пор я не могу понять, почему вы изменили ваше решение. У Бальмонта есть специальные причины покровительствовать не «Грифу», а Соколову, но вы, но вы? Не

можете же вы не видеть, что Соколов – балаганный шут, неумело-бездарный шарлатан, в устах которого все самые истинные слова становятся фиглярством и пошлостью! Конечно, может быть, вы, Бальмонт и Блок создадите новый «Гриф», ничего общего с прошлым не имеющий, вы трое достаточно сильны для этого, но на что это нужно? Существующий же «Гриф» есть только пародия настоящего дела. Людям, подобным Соколову, можно поручать свой гражданский процесс, но позорно поручать им и доверять им свои мысли.

И в заключение еще о себе. Если я вам сказал, тогда или сегодня, обидные слова, – простите меня. Я сказал их не с целью вас обидеть, а чтобы выразить, что во мне. Перед вами извиниться мне не будет стыдно никогда и не будет никогда унижением. Для меня образ человека стоит выше всех его поступков и слов. Меняются убеждения, слабеют и крепнут силы духа, волосы становятся седыми и лицо – в морщинах, но человек остается все тем же, каким мы его увидали в истинный миг близости. Я вас не перестану любить, кем бы вы ни стали, что бы вы ни совершили, что бы мне на это письмо ни ответили. Я не могу не упрекать вас, потому что считаю ваши поступки достойными упреков, но мне будет бесконечно горько и тягостно, если вы останетесь чужим мне, если нам придется продолжать наше дело без вас.

Верю, что вы мне ответите.

Ваш Валерий Брюсов

Валерий Брюсов – Нине Петровской

8/21 ноября 1903 года, Москва

*«Брось меня, если я не в силах буду стать иным, если останусь
тенью себя, призраком прошлого и неосуществленного будущего...»*

За эти четыре года целые миры обрушились в наших душах. Что в них осталось прежнего? – Только те стихии, из которых они созданы. Не прежними (мы) должны быть, а новыми. Не в прошлом и не прошлым надо нам жить: в настоящем и современностью. Надо смело смотреть в глаза судьбе, которая ведет, влечет нас, заставляет нас изменяться и все изменяет вокруг нас. И вот в этих переменах и изменах оставаться всегда близкими друг к другу, вечно и непобедимо, роковым образом связанными – вот чего я хочу и ищу. Если твои слова «я та же, как 4 года назад» значат, что ты по отношению ко мне та же, что ты так же влечешься ко мне, как тогда, – я эти слова приветствую, благословляю их, благодарю за них. Но если ты хочешь сказать: «я все „та же“, я не изменилась, мои чувства, желания, ожидания не изменились», – мне придется опустить голову и сказать тихо: но я – изменился, но я – не тот же и не могу стать прежним, на четыре года уйти назад <...>

Но я, наконец, узнал себя, понял (как начинают, увы! узнавать, понимать эту мою особенность и господа литературные критики!). Да, я могу любить глубоко, быть верным в лучшем смысле слова, но я не могу, не способен – отдаться любви, броситься в нее, как в водоворот, закрыть глаза, дать стремить себя потоку чувства. Я знаю, я верно знаю, что это и есть «то, что люди называют» счастьем. Но я уже не ищу счастья, не жду его, и мне его не надо. К иному иду я, не знаю, большему или меньшему, но к иному. Таким я стал (хотя я в сущности таким всегда и был), таким надо принять меня теперь, ибо иного меня – нет <...>

Ты спрашиваешь меня, приеду ли я в Париж. Вот точный, искренний и подробный ответ.

Здесь, в Москве, нашел я страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. «Весы» медленно погибали и должны были прекратиться к январю. Все враждебные нам и мне партии подняли голову. «Руно» было сильно как никогда. Г. Чулков выпустил книгу статей, направленных против нас. Возникло 3 или 4 журнала, явно нам враждебных. Все газеты были против нас. Крохотный кружок, уцелевший около «Весов», явно распадался. Белый, конечно, тянул куда-то в сторону. Эллис тоже. Даже во внешнем, при первых столкновениях, я тотчас увидел, как все повернулось к нам враждебной стороной. Где прежде я имел абсолютный вес, меня слушали только из вежливости. Не буду рассказывать разных фактов. Довольно одного. В члены нашего Литературно-художественного кружка баллотировалось трое сотрудников «Весов» – М.Ф. Ликиардопуло, Эллис, М. Шик. Все трое большинством голосов были забаллотированы.

Нина Петровская. 1905 год

Я много раз говорил тебе, что «Весы» мне надоели, что я хотел бы отказаться от заботы об них. Но видя такое неожиданное и стремительное крушение всего, что я делал в течение пятнадцати лет; видя, как внезапно все значение, вся руководящая роль переходит в литературные течения, мне и моим идеалам враждебные; видя, как торжествуют те, кто, в сущности, обокрал меня и моих сотоварищей, – я не мог не изменить решения. Я не могу еще сложить руки и сказать: вот я, берите меня, грабьте мое добро и топчите меня ногами. Я могу уйти в сторону, когда положение обеспечено, но сделать это именно в час разгрома – и нечестно, и нестерпимо для меня. Я решил бороться во что бы то ни стало. Я решил в 1909 г. так или иначе, но издавать «Весы» или другой журнал и удерживать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит.

Ты понимаешь, это такое (положение) требует с моей стороны сейчас величайшего напряжения энергии. С.А. Поляков – за границей и продолжать «Весов» не хочет. Другого издателя нет. Все друзья и союзники готовы продать и «Весы» и меня за 30 серебрянников или и дешевле. Чтобы снова все сплотить, все устроить, все повести – надо не выпускать возжей и нитей всяких интриг ни на минуту. И вот я в самом таком разгаре всяких неизменных дел и отношений, в которых снова задыхаюсь, как в душной тюрьме, но бросить которые не могу,

не хочу, не должен. И ты понимаешь, что, даже при успехе, месяца два-три, пока не наладится все опять, – у меня не будет возможности покинуть Россию на долгое время.

Валерий Брюсов – Нине Петровской

27 мая 1906 года, Москва

Мне нужно какое-то воскресение, какое-то перерождение, какое-то огненное крещение, чтобы стать опять самим собой, в хорошем смысле слова. Куда я гожусь такой, на что нужен! Машинка для сочинения хороших стихов! Аппарат для блестящего переложения поэм Верхарна! Милая, девочка, счастье мое, счастье мое! Брось меня, если я не в силах буду стать иным, если останусь тенью себя, призраком прошлого и неосуществленного будущего. Неужели в 32 года пережил я всю свою жизнь, обошел весь круг своих возможностей? Я столько смеялся над Бальмонтом, неужели же я на себе испытаю его участь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.